

*Посвящается моему папе —
подлинному Майклу Хоулзу*

*Переживать заново
свое прошлое я не хочу.*

Глава 1

Приглашение от Мадлен появляется в моей папке “Входящие” поздним утром. У письма нет темы, но я сразу понимаю, о чем пойдет речь. В упорстве Мадлен не откажешь.

После этого я просто убиваю время. От попыток работать отказываюсь довольно быстро, не в силах сосредоточиться. Выпиваю три чашки кофе за сорок пять минут — на пользу мне это не идет. В основном читаю бесконечные светские сплетни нашего круглосуточного канала новостей.

— В королевской семье прибавление — новый рыжий лабрадудль, — сообщаю я Мин. — Спорим, его назовут Гарри?

Сидящая напротив меня в ньюсрум Мин приподнимает бровь. Я уже час пытаюсь втянуть ее в разговор, хоть и знаю, что у нее срочная работа.

— Извини, — говорю я одними губами и снова утыкаюсь в экран.

Очередная голливудская парочка объявила о помолвке, а футболист из премьер-лиги долбанул в раздевалке одноклубника головой о шкафчик. Класс.

На экран выскакивает напоминалка (а то я не помню!). Я бросаю взгляд в сторону кабинета Мадлен и вижу, как она, яростно жестикулируя, распекает в этом своем подобии аквариума двух поникших маркетологов. Я-то давно понял: чтобы с ней работать, надо уметь держать удар, а вот многим коллегам только предстоит это усвоить.

— Ты ей все объяснишь по-честному? — спрашивает Мин, будто прочитав мои мысли.

— Постараюсь, как и всегда, — откликаюсь я.

Однако Мадлен заразила меня стремлением не упустить интересную историю — это нас с ней теперь роднит. Потому-то я и боюсь предстоящего разговора.

— Если она кого и послушает, так только тебя.

— Беда в том, что я не вижу места для компромисса.

Бросив на меня сочувственный взгляд, Мин надевает наушники. Я снова смотрю на аквариум — экзекуция закончена: маркетологи понуро плетутся прочь. Я решительно выключаю компьютер и встаю.

Через открытую дверь кабинета вижу, что Мадлен сидит в своем белом кожаном кресле, уставившись в экран. Не оборачиваясь, она кликает меня:

— Бен, не тяни.

— Не стоит нам из-за этого ссориться, — говорю я, входя в ее роскошный угловой кабинет с окнами от пола до потолка и видом на Тауэрский мост.

За спиной у Мадлен, сидящей за изогнутым стеклянным столом, висят три великолепные залитые солнцем фотографии. Все они, как не устает повторять Мадлен, сняты ею самолично. На первой — здание парламента, на второй — Белый дом, на третьей — ее собственный дом с видом на Ричмонд-парк. “Три оп-

лота всемирной власти” — называет их она и, по-моему, почти не шутит.

— Двадцать девять и четыре десятых миллиона, — говорит Мадлен, все еще не отводя взгляда от экрана. — Спад почти на три процента, а эти клоуны говорят, что мне не о чем беспокоиться! Мы опережаем “Мэйл онлайн” меньше чем на два миллиона пользователей. Но пока я у руля, первое место будет нашим.

Она не ждет ответа, и я не отвечаю. Обогнув огромный стол для заседаний, я сажусь напротив нее.

— И я вовсе не намерена ссориться, — продолжает она. — Я знаю, что у тебя сейчас трудный период, Бен. Скоро годовщина твоей мамы, и нам всем есть о чем подумать.

Она говорит готовыми гладкими фразами, явно все отрепетировав, но я не хочу в этом участвовать.

— Мама так гордилась бы твоими успехами. Десять лет назад все мы понесли тяжелую утрату. Если бы только она могла тебя сейчас увидеть! Одного из лучших криминальных репортеров страны! Пройдя непростой путь, ты одержал победу над своей трагедией. И должен рассказать об этом.

— Сколько бы мы об этом ни говорили, мой ответ — нет.

— Бен! — восклицает она. — Ты меня даже не дослушал.

— Я знаю, к чему вы клоните. И это — не мое. Я пишу про расследования, а не выжимаю слезу из читателя.

— Мне и не нужна дешевая мелодрама! Ты должен просто излить душу и написать правду: эмоциональный, трогательный, искренний рассказ. Рассказ чело- века, которому сопереживают все граждане страны.

— Меня это не интересует.

— А миллионы людей интересует, — Мадлен четко выговаривает каждое слово — верный признак, что она твердо решила добиться своего. — Ты недооцениваешь всеобщее сочувствие. Несчастье с Ником, а потом смерть твоей мамы — да вся страна об этом помнит! Люди тебя знают и верят, что между ними и тобой есть тесная связь.

Она встает и, обойдя стол, садится возле меня на его угол.

— Это не значит, что среди них нет слегка чокнутых, но, нравится тебе это или нет, они думают, что разделяют твою боль. Они хотят тебя поддержать и одновременно страшно рады, что это не случилось с ними самими. И они хотят услышать твой собственный рассказ, хотят прочесть наш эксклюзив.

Мадлен всегда без стеснения идет напролом. Именно это делает ее классным журналистом. Но я качаю головой:

— Я же сказал, что не буду об этом писать.

— Бен, мы оба знаем, что *будешь*. Как бы это ни было больно — история слишком хороша, чтобы не написать о ней.

— Если я напишу то, что вы хотите, ко мне потом целый год на улице станут подходить люди, чтобы выразить сочувствие и сказать, что молятся обо мне.

— А что тут плохого? Они же тебе добра желают. Даже те, что не совсем в себе.

— Мадлен, я сказал “нет”.

— Бен! — Она неожиданно встает, закрывает дверь и снова оборачивается ко мне. — Буду с тобой откровенна. У нас тревожные показатели. Мы реально в полете. Нам позарез нужна хорошая история.

— И все равно нет.

Мадлен приучила меня к погоне за читателями. Но сейчас я вдруг осознаю: когда загонщики подбегают к твоему дому, все выглядит несколько иначе.

— Я как никто борюсь за нашу успешность. Мои публикации привлекают больше новых читателей, чем любые другие. А потом эти читатели почему-то остаются читать все те дурацкие сплетни, которые вы называете новостями.

Мадлен вспыхивает, и мне на мгновение кажется, что разговор окончен. Но она быстро берет себя в руки.

— Вы сами назвали меня самым лучшим вашим журналистом.

— Одна награда не делает тебя лучшим журналистом.

— Наград две, и других наград у вашего сайта нет.

— Нам не награды нужны, а читатели. И как можно больше. Срочно.

Я начинаю терять терпение. Делаю глубокий вдох. Не знаю я Мадлен как облупленную, ни за что бы не поверил, что она станет так давить на меня. Ведь она выросла по соседству с нами и прекрасно знала, как потрясла смерть моего брата Ника не только нашу семью, но и весь городок. Задним числом я прочел ее тогдашние статьи. Она не могла не понимать, какой это был ужас для всех нас.

Я разворачиваю свой стул, чтобы смотреть ей в лицо, когда она идет от двери к окну.

— Я этого не сделаю, Мадлен. Вам нужно с этим смириться. Вы и представить не можете, каково мне было. Лицо Ника на первых страницах всех газет, мамино лицо, мое. Не хочу выставлять напоказ последнее, что пока удавалось скрыть от публики.

Она ждала другого ответа, и я вижу, как растет ее раздражение. Она барабанит пальцами по столу. Поджав губы, садится за стол и принимается печатать. Поскольку она молчит, я решаю, что она меня отпускает, и с облегчением поднимаюсь, собираясь уйти. Но, когда я уже открываю дверь, она говорит:

— Бен, а тебе не приходило в голову, что если об этом не напишешь ты, то может написать кто-то другой?

Я останавливаюсь, не оглядываясь.

— И я не смогу повлиять на то, что там будет написано.

Глава 2

Мы уходим с работы в четыре: я говорю Мин, что мне нужно пропустить стаканчик. Но где один стаканчик, там и два, и скоро я чувствую, что уже неуверенно держусь на ногах. Вообще-то пить я бросил десять лет назад, но сейчас мне нужно как-то справиться с бешенством, в которое меня привела Мадлен. Ее способность первой раздобыть занимательную историю не может не восхищать, но вот неистовая погоня за читателями порой непереносима.

Слух о моем разговоре с Мадлен быстро разносится среди коллег, и наша компания начинает расти. Вскоре нам становится тесен небольшой паб в Сити, с которого мы начали, и мы решаем двинуться на запад, прочь из лондонского центра, в наш любимый ресторан “У Мейлера”. Он расположен в Сент-Марнеме, в здании бывшего склада на берегу Темзы, и управляет там знаменитый лондонский шеф-повар Ист Мейлер. С этим рестораном всех познакомил именно я. Многие раньше не забирались так дале-

ко на запад Лондона, но превосходная кухня и потрясающий вид на реку быстро покорили их сердца (и желудки).

Хотя Мадлен здесь нет, она все равно умудряется доминировать в наших разговорах. Во время ужина я ощущаю почти единодушную поддержку: большинство коллег за меня — всех возмущает напор Мадлен. Молчит лишь Мин, и я вижу, что, пока мы браним Мадлен за решимость привлечь читателей любой ценой, Мин размышляет. Наконец, деля между всеми остатки вина из последней бутылки, она спрашивает меня, не может ли Мадлен быть права. Хотя бы отчасти. Что если в десятую годовщину смерти мамы мне и вправду стоит задуматься и попытаться разобраться в том, что случилось?

Однажды в трудную минуту я рассказал Мин, что меня преследует чувство вины из-за неспособности — спустя даже столько лет — понять, почему мама так поступила.

Все замолкают. Я обещаю подумать об этом. Но на самом деле твердо знаю, что ни за что не стану писать такую статью, — по тем причинам, которые я сегодня перечислил Мадлен. Моя профессия позволяет копаться в чужом прошлом, но переживать заново свое я не хочу.

Позже, когда вся компания расходится по домам, мы с Мин перекочевываем из ресторана в расположенный в неоштукатуренной пристройке бар, чтобы выпить по последней. Хоть я уже и чувствую, что завтра пожалею о том, что перебрал, Мин без труда убеждает меня, что еще один стаканчик ничего не изменит.

Сидящий у камина совладелец ресторана Уилл Андруз, увидев нас, улыбается, приглашает за свой